

УДК 101.1.:316.773.2

УРОВНИ СОПОДЧИНЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.А. Лукьянова

Томский политехнический университет

E-mail: Lukianova@tpu.ru

Представлена гипотеза об уровнях соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве. Утверждается, что семиотические элементы коммуникативного пространства могут быть представлены в трех уровнях: знак–интерпретант–коммуникативное событие. Знак является некоторой матрицей для создания текстов культуры с помощью коммуникаций. Интерпретант являет собой результат действия знака, нечто, что вырабатывается в сознании интерпретатора. Паттерны интерпретант образуют в различных сочленениях коммуникативные события, которые выступают в качестве сталкивающихся или сходных смыслов, находящихся в коммуникативном пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением.

Ключевые слова:*Знак, интерпретант, коммуникативное событие, семиозис, коммуникативное пространство.***Key words:***Sign, interpretant, communication event, semiosis, communicative space.*

Любая структурная организация в живой, неживой или социальной системе в большей или меньшей степени строится на основе иерархии. В силу этого, анализ коммуникативного пространства как пространства существования, производства и функционирования множества значений, объединенных силой мысли человека, невозможен без выявления иерархии входящих в нее элементов. Подобно конфигурациям кубика Рубика, где в неподвижном состоянии существуют некоторые алгоритмы сочетания цветов (один элемент–сочетание элементов–одна грань), способные измениться в движении (коммуникации), в коммуникативном пространстве существуют определенные семиотические паттерны. При этом основа, определяющая структурную целостность всей системы, сохраняется. Ю.М. Лотман отмечает: «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степени переводимости и пространством непередаваемости. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры» [1. С. 30].

Актуальность анализа принципов соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве обусловлена значимостью разработки таких моделей, которые бы учитывали интенсивность и динамику взаимодействия коммуникативных и семиотических процессов в современной культуре.

В настоящей статье предлагается гипотеза об определенных уровнях соподчинения – иерархии семиотических элементов, что позволяет увидеть закономерности взаимодействия различных семиотических элементов, образующих тексты

культуры. Заметим, что в иерархических системах отношения порядка обнаруживаются вложенными друг в друга элементами, что определяет степень ответственности этих отношений.

Итак, иерархия выступает как принцип структурной организации сложных многоуровневых систем, состоящий в упорядочении и установлении порядка взаимодействия элементов между уровнями от более простого к более сложному (например, частицы–атомы–молекулы–клетки–организм). Иерархическая структура представляет собой совокупность элементов, связанных друг с другом по конкретным правилам.

Первый уровень в иерархии знаковых элементов в коммуникативном пространстве – это собственно *знак*. В предлагаемой статье знак рассматривается как ментально-материальная сущность. Принципиальным является понимание того, что в знаке аккумулируется весь потенциал текстов, создаваемых посредством коммуникаций. Это своеобразная «клетка», в которой потенциально заложены все модальности (указание на статус реальности) текстов культуры. Используя знак как внешнюю, объективную опору, человек реализует свою способность к репрезентации действительности в нужное время и в нужное место. Любые реальные действия придают мыслимой реальности внешнюю, телесную оболочку, и это предметно-деятельностное воплощение оказывает закрепляющее воздействие на способы миропостроения. Например, звучит звонок на урок. Мы понимаем, что звонок означает начало урока. Звонок – это знак, который дает нам знание о начале урока. Но сам урок начался не потому, что существует звонок. Однако с помощью знака, благодаря субъективным действиям означивания, мы конституируем реальность.

В таком контексте необходимо подчеркнуть, что способ существования знака в коммуникациях не-

посредственным образом связан с его динамикой. Обращение к семиотической концепции Ч.С. Пирса дает основание утверждать, что знак возвращается в сферу коммуникации посредством указания на субъекта коммуникации – интерпретатора, который интерпретирует знак, соотнося его со своим опытом. На этом основании сделаны следующие выводы относительно способа существования знака в коммуникациях. Основным является вопрос о том, каков объект мысли в качестве орудия познания, т. е. исследователя интересует динамика знака, не отвечающая за характер его изменений.

Для целей данного исследования важным является тот факт, что в исследованиях Ч.С. Пирса способом существования знака в коммуникациях является его динамика. При обращении к концепции Ч.С. Пирса исследуется не «что» знака, важен тот факт, что он остается постоянно интерпретируемым, ключевой характеристикой представляется последовательность изменений форм знака как инструментов познания, что определяет характер взаимодействий субъектов в коммуникациях и ведет к появлению новых черт культуры. Тем самым, знак представляет собой наименьший элемент в культуре как знаковой системе, организованной посредством социокультурных коммуникаций. Между знаками устанавливаются отношения. Заметим, что те и другие (то есть знаки и отношения между ними) являются ключевыми понятиями в семиотическом анализе, а совокупность связей и отношений между знаками, имеющими единую для данной системы природу носителя (изображение, звук, жест или поза танцора и т. п.) образуют знаковые системы.

Идея Пирса, которой следует автор настоящего исследования, состоит в том, что ничто не является знаком до тех пор, пока оно не интерпретируется как знак. Иными словами, знак начинает существовать в некотором качестве и потенциальности, только когда он «погружается» в контекст восприятия, то есть мы создаем знаки исключительно относительно той реальности, о которой имеем представление. В другой статье автора «Коммуникативные миры Ч.С. Пирса» [2] был приведен пример с человеком-невидимкой, демонстрирующий принципы означивания «невидимости» посредством существующего знания о реальности, так как, чтобы интерпретировать нечто, необходимо обладать некоторым знанием (презумпцией) о знаковой природе этого предмета. Например, для миссис Холл это салфетка – нечто белое, чем незнакомец прикрывал нижнюю часть лица; для часовщика Тэдди Хэмфри – «темные очки», которые позволили сравнить незнакомца с «морским раком», то есть создается интерпретанта знака при помощи другого знака, который является мысленным образом в сознании. Так запускается бесконечный процесс семиозиса. По сути, семиозис – это деятельность знака по созданию своей интерпретанты, в которой человек присутствует в качестве интерпретирующего субъекта.

Так, «невидимость» описывается Г. Уэллсом в понятных и знакомых значениях: «широкие поля фетровой шляпы», «блестящий кончик носа», «очки-консервы», «густые бакенбарды». При этом сам знак не только единство формы и содержания (в концепции Соссюра), но и единство формы, содержания и субъекта, участвующего в процессе семиозиса (в концепции Пирса).

Отношения внутри знака (динамика знака) строятся согласно его структуре, представленной триадой: репрезентант–объект–интерпретант (семиотическая концепция Ч.С. Пирса). Репрезентант – это конкретный знак, который, обладая типовым значением, участвует в коммуникации. Объект – то, что знак репрезентирует в коммуникациях (вспомним пример сделку дарения, где объектом является право собственности), причем объект может быть как материальным, так и воображаемым. Основное условие заключается в том, что объект должен быть известен интерпретатору, например, это может быть воображаемый мир, предмет, некоторая индивидуальность. Следовательно, объект мысли, в отношении которого необходимо достичь понимания, – это какая-либо идея, ментальная репрезентация, участвующая в формировании представления о мире.

Наиболее многозначным понятием в триаде является интерпретант. С одной стороны, интерпретант – это элемент в триадичной структуре знака, с другой, интерпретант – это результат действия знака, по сути, это корреляция знака с его эффектами, выражающимся в мыслях, действиях и чувствах, имеющих не только знаковую природу. На этом основании мы понимаем интерпретант как семиотический элемент, находящийся на *втором уровне* в иерархической структуре коммуникативного пространства, которое рассматривается нами в качестве знаковой системы.

В таком видении интерпретанта – это своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации. Именно интерпретант определяет знаковый характер в отношениях между отправителем и получателем в процессах коммуникации. Интерпретант – потенциал знака, концептуализация отношения «знак/знак», «знак/объект», «знак/интерпретанта» в последующем знаке (например, некоторая реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения одного слова с помощью других слов и т. д.). Этот процесс фактически бесконечен, поскольку каждый знак способен порождать интерпретанту, которая, в свою очередь, становится знаком. Характерным примером последовательно создаваемых в коммуникациях интерпретант может считаться процесс узнавания человека-невидимки, упоминаемый нами выше.

Г. Уэллс последовательно интерпретирует «невидимость»: «взбесившаяся мебель», «дрогнувшее пламя свечи», «чернота вместо розового тела» – это

те паттерны интерпретант, которые и есть результат действия знака, в последовательности прояснения значений. Первый шаг – это качество в возможности [2]. Тем самым реализуется эмоциональная функция интерпретанты (*одна из классификаций интерпретант в концепции Ч.С. Пирса: эмоциональная, энергетическая, логическая интерпретанты – Н.Л.*), то есть отражаются переживания интерпретатора, его оценочные суждения. Эмоциональная интерпретанта в акте коммуникации производит эмоции, которые есть основания сомнения в правилах действий. Посредством эмоций «видится», интерпретируется существование «невидимости». На втором шаге реализуется энергетическая функция интерпретанты, которая обуславливает какое-либо действие, отражающее эмоции. Формируется интерпретанта, подчеркивающая индивидуальные признаки «видимости» невидимки: «чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо». И, наконец, логические интерпретанты, рождаемые на третьем этапе. Функция этой интерпретанты заключается в том, что она играет ключевую роль в некотором рациональном процессе (например, в политической дискуссии). Достигается уверенность в определенных правилах действий. Следовательно, возникает понимание практического значения возможных следствий относительно объекта мысли. В рамках нашего примера логическая функция интерпретанты выражается в формировании определенного мнения о происходящем: «Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда», «Невидимка!». Таким образом, устанавливаются правила действия относительно данного значения («Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!»).

Действительность «невидимости» представлена как результат конструирования, инструментом которого выступают паттерны интерпретант, обладающие способностью активизироваться целиком при активизации любой своей части, что определяет коммуникативную стратегию конструирования финальной интерпретанты. Мы можем угадать мелодию по трем звукам или узнать фильм, услышав мелодию (например, мелодию М. Таривердиева из «Семнадцати мгновений весны»).

Паттерны интерпретант включают не только вновь создаваемые, но и уже существующие в сознании человека интерпретанты. По словам Б.В. Маркова, «Возникающие между ними отношения являются отношениями интерпретации, которые задаются процедурами схематизации, конструирования, формирования, проецирования, отбора, то есть активной познавательной деятельностью. Каждый человек в процессе интерпретации категоризирует и индивидуализирует объекты, рождая свой интерпретированный мир в последовательности интерпретант» [3].

Таким образом, знание о мире достигается благодаря процессу интерпретации. Это процесс не поиска новых смыслов (понимания), а процесс последовательного формирования значений в ком-

муникативном пространстве. Значение мы рассматриваем как основу, как то, на что опираются, что создается при интерпретировании; смысл же всегда возникает только в результате понимания (то есть в итоге более сложного процесса). Это содержательная сторона знака или ряда знаков: языка, ситуации, действия, идеи или объекта.

Итак, интерпретация – это концептуализация отношения «знак–объект» в последующем знаке, объяснение «невидимости» с помощью понятных, известных значений. Получается, что знание о реальности возможно благодаря интерпретанте, и триада «знак–объект–интерпретант» характеризует любую знаковую ситуацию, которая является процессом семиозиса (в концепции Ч.С. Пирса). В результате, идея семиозиса выражает отношения между знаком и внешним миром, в котором существует объект репрезентации, и в этот процесс для целей познания включены сам знак, его восприятие и интерпретация человеком.

По сути, мы приходим к определению триединой сущности процесса интерпретации.

1. Установка по отношению к объекту интерпретации как к знаку (в каждом знаке как триадическом единстве заложена презумпция интерпретируемости).
2. Интерпретация как процесс последовательного прояснения значений в трех стадиях.
3. Интерпретация как результат (формирование видов интерпретант на каждом этапе интерпретации).

Из вышесказанного следует, что процесс интерпретации зависит от многих факторов, включающих и личностные характеристики человека-интерпретатора. В иерархии семиотических элементов собственно знак (в его триадической структуре) является своеобразной «клеткой» – основной формой для последующего развития паттернов интерпретант как метасемиотических конструкторов, результата действия знака, в котором заложен потенциал дальнейших интерпретаций. В самой же интерпретанте присутствуют все возможности, существующие в знаке, как «невидимость», которая становится «видимой» во всем спектре интерпретант.

Процесс интерпретации является дискретным, как, например, линия, проведенная на листе бумаги, сама по себе есть некоторый континуум и знание о подобном континууме – это знание об отношении точек, лежащих на ней, потому что на непрерывности линии можно ставить самые разные точки, отношения между которыми и будут задавать математическую форму линии. Однако эти дискретные конфигурации точек вписаны в континуум (в протяженность линии). Благодаря фиксированным отношениям точек линия видится как прямая или, допустим, парабола, но все дискретные точечные конфигурации уже определены континуумом линии как объемлющими их пространством.

Проводя аналогию с математической формулой линии, можно сказать, что воплощением результа-

тов интерпретации в акте коммуникации является коммуникативное событие. *Это третий уровень* в иерархической структуре семиотических элементов коммуникативного пространства.

При обосновании того, почему именно коммуникативное событие мы считаем третьим элементом в иерархической структуре коммуникативных процессов, укажем на следующие положения: *во-первых*, понятие трансакции как частного случая коммуникации; *во-вторых*, выводы о процессуальной природе события (согласно выводам философии процесса А. Уайтхеда). Остановимся на данных положениях подробнее.

1. Мы рассматриваем коммуникативное событие как результат процесса трансакции. Трансакция — единица общения, согласно концепции У. Эко [4].

В акте трансакции важны не конкретные знаки, а используемые в процессе коммуникации интерпретанты. Паттерны интерпретанта являются моментом достижения согласия в самом коммуникативном акте — коммуникативном событии. Поэтому в процессе интерпретации взаимопонимание не сводится просто к «отправлению» и «получению» сообщения. В трансакционном подходе (позиция У. Эко) коммуникация понимается как процесс совместного создания сообщений и одновременно выражения идей и чувств. Идея Пирса о «неограниченном семиозисе», рассмотренная У. Эко как основа исследования коммуникационных процессов, заложена в видении акта трансакции. Трансакция — это частный случай коммуникации, в котором условия и результат всегда произвольны. Случайность порождает богатство возможностей коммуникативного события, и, как результат, развитие на его основе многообразия текстов культуры. Таким образом, коммуникативное событие исследуется нами как знаковая структура, формирующаяся в акте трансакции, который понимается как актуализация опыта человека посредством создания устойчивых взаимосвязей в коммуникациях, которые порождают нетривиальный смысл. Природа коммуникативного события как знаковой структуры, следовательно, процессуальна, поскольку базируется на процессе семиозиса.

Можно провести следующее сравнение. Мир музыки построен на созвучиях: если мы нажимаем на клавиши пианино, то извлекаем звуки, которые в определенных сочетаниях рожают созвучия (гармоничное сочетание двух или нескольких тонов). Это результат действия знака, интерпретанта. Каждый звук входит в несколько созвучий, а созвучия образуют рифмы, ритмы, шумы, композиционные явления и пр. — паттерны интерпретанта. Созвучия, таким образом, рожают мелодию — коммуникативное событие — основу, которая придает индивидуальность коммуникативному пространству каждого человека.

2. Выводы о процессуальной природе коммуникативного события опираются на положения философии жизни А. Бергсона и философии процес-

са А.Н. Уайтхеда, а также на концептуальные выводы постнеклассической науки, что позволяет раскрыть сущность и этапы становления события как процессуального феномена культуры.

В философии А. Бергсона событием обозначается то, что, свершаясь, отменяет прежние принципы наблюдения, индивидуализируется, становится уникальным в длительности жизни, ибо жизнь — это не пребывание, а непрерывный переход из одного состояния в другое. Главной идеей Бергсона является включение события в бесконечность течения жизни.

Концептуальным элементом философии процесса Уайтхеда также является понятие «событие». Философ рассматривает его как постоянное движение и отмечает его особую роль в познании мира: «Мы должны начать с события, приняв его за конечную единицу природного явления. Событие должно иметь отношение ко всему существующему, в том числе ко всем другим событиям» [5. С. 163]. Таким образом, Уайтхед видит событие как момент схватывания реальности, ключевой этап, с которого нужно начинать исследование любого природного явления. Обосновывая общую концепцию события как процесса, Уайтхед заключает, что природа есть структура разветвляющихся процессов, то есть реальность понимается как процесс [5. С. 130]. По мнению А.Н. Уайтхеда, природа — это множество разнообразных событий, которые включают в себя другие классы событий, при этом философ отмечает, что его учение «следует из концепции событий и природы устойчивых объектов». «Благодаря внутренней устойчивости событие оказывает значительное влияние на изменение окружающей среды. Именно в этой устойчивости структуры время отделяет себя от пространства» [5. С. 592]. Концепция устойчивости события проявляется в правилах формирования его частей, заданных моментом схватывания в пространстве-времени. Иначе говоря, событие — пространственно-временное происшествие: время и пространство в своем конкретном значении становятся местом, в котором происходят события, тогда как организм является воплощением формы целостности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что событие есть своеобразный синтез отношений пространства, места и времени и иногда человека.

Так, события, как актуальные явления человеческого опыта обладают собственным единством — структурой, с помощью которой конструируется действительность множества событий. Действительность, по А.Н. Уайтхеду, — это изначальное становление, изменение, процесс, и каждое событие тоже мыслится английским философом как процесс, а основополагающий принцип процесса — становление. Уайтхед пишет: «Каждое действительное явление проявляет себя как процесс; оно есть становление» [5. С. 238], из этого следует, что паттерны интерпретанта, образующих событие, не могут проявляться вне событий, они, не изменяясь, переходят из одного события в другое, тогда

как контекст и само событие могут модифицироваться, так как один и тот же объект может фигурировать в бесконечном многообразии ситуаций.

Итак, мы рассматриваем событие как пространственно-временное происшествие, момент схватывания смыслов в непрерывности коммуникативных процессов в культуре, как «точку» на непрерывности линии, отношения же между точками задаются её конфигурациями (семиотические конфигурации в культуре).

Сравнивая коммуникативное событие с музыкальной мелодией, можно сказать, что это некоторое впечатление о построении созвучий, момент осмысления целого, которое обусловлено следующим: 1) моментом «схватывания» определенного отрезка во времени в акте трансакции; 2) гармоничным отношением каждого составляющего элемента к ключевой интерпретанте; 3) динамикой взаимодействия интерпретант. Тем самым, событие получает «семиотическую осмысленность» (в терминологии Ю.М. Лотмана), начинает существовать как элемент семиотических механизмов культуры, поскольку «любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая» [1. С. 503].

Становясь знаковой структурой, событие актуализирует виртуальную взаимозависимость между знаком и смыслом. В данном вопросе согласимся с выводами В.И. Тюпы [6], который понимает смысл как субъективную данность (кажимость) сознания, в соотнесённости с иными смыслами приобретающую ценностную актуальность в культуре.

Таким образом, коммуникативные события — это события, которые происходят вокруг нас и с нами. Прежде всего это актуализация человеческого опыта посредством знака, воспринимаемого инструментом мысли, что дает возможность создания устойчивых индивидуальных сущностей, порождающих некий нетривиальный смысл.

Множество коммуникативных событий участвуют в коммуникациях, сосуществуют в коммуникативном пространстве. Более того, каждое коммуникативное событие в коммуникациях встроено в несколько смысловых цепочек, образующих своеобразную «паутину», так как событие объединяет в себе множество интерпретант. Обрисуем две основные разновидности событийных взаимосвязей. С одной стороны, смысл всякого действия отсылает к смыслам подобных действий, которые определяют деятельность каждого человека: это либо лично значимые для него события, подталкивающие человека к конкретным действиям, либо известные нам события, происходящие с другими людьми. С другой стороны, событие вливается в цепочки узнаваемых коммуникативных ситуаций.

Коммуникативную ситуацию мы понимаем как ситуацию речевого общения двух и более людей, обладающую ситуативными переменными, такими, как адресант, адресат, цель, средство общения, способ общения, место общения и пр. Изменение

значений какой-либо переменной приводит к трансформации коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Итак, коммуникативная ситуация задает рамки и смысловую связь разворачивающихся внутри неё событий, но при этом может рассматриваться и как отдельное событие, связанное с другими событиями или ситуациями. Коммуникативные события замысловато пересекаются и происходят одно на фоне другого, собираясь друг в друга наподобие многослойной матрешки. Принципиально, что каждое событие, взятое в отдельности, является целостным неделимым компонентом коммуникативного пространства: выпить чашку кофе, сходить в магазин, написать статью, съездить в отпуск на море — элементарные события. Субъективно переживаемая длительность каждого отдельного события непрерывна, однако это не препятствует тому, чтобы на фоне уже длящихся действий начинать делать что-то еще: длительности, на основе которых зарождаются новые, можно сказать, раздвигаются, поскольку изменяется масштаб их восприятия. Событие, наблюдаемое в одном масштабе как простое, в другом вмещает в себя множество иных событий. Так, если какое-либо событие становится известным и эмоционально значимым для достаточно большого количества человек, то оно войдет во множество образцов их поведения (например, прически, костюмы от «Beatts»). Каждое из этих множеств рано или поздно пересечется с другим множеством, в результате чего случится новое событие. Это результат функционирования бесконечных цепочек интерпретант, являющихся итогом сформировавшихся отношений и определяющее способ использования исходного знака. Подчеркнем, что интерпретанта — это некоторая идея, которая возникает в сознании человека после истолкования первоначального знака, аналогично музыкальному созвучию, понимаемому как группа соединенных звуков. Многие «созвучия», «идеи» образуют коммуникативные события, которые могут находиться как в состоянии непересечения, так и тождества.

Таким образом, интерпретанта выступает как своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция. Структура интерпретанты изоморфна триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации. В таком качестве интерпретанта — это второй уровень взаимодействий семиотических элементов в коммуникациях.

Воплощением результатов интерпретации в акте коммуникации является коммуникативное событие. Это третий уровень в иерархической структуре семиотических элементов в социокультурных коммуникациях. Коммуникативное событие рассматривается как знаковая структура, возникающая в результате актуализации опыта человека в акте трансакции, как частном случае коммуника-

ции, посредством создания устойчивых взаимосвязей интерпретант. Паттерны интерпретант, образующих событие, не могут проявляться вне событий, они, не изменяясь, переходят из одного события в другое, тогда как контекст и само событие могут меняться, поскольку один и тот же объект может фигурировать в бесконечном многообразии ситуаций. В таком понимании, коммуникативное событие — эта та основа, которая придает индивидуальность коммуникативному пространству каждого человека.

В заключении можно сделать следующий вывод: в коммуникативном пространстве существуют уровни соподчинения семиотических элементов. Первый уровень — знак в его триадичной структуре, участвующий в процессах семиозиса. Второй уровень — интерпретанта — семиотическая метаядичность, выступающая, с одной стороны как элемент в триадичной структуре знака, с другой — как результат действия знака в процессах означа-

вания. Третий уровень — коммуникативное событие как семиотическая структура, возникающая в акте трансакции, являющемся частным случаем коммуникации, в котором существенной характеристикой является достижение согласия между коммуникантами. Коммуникативное событие — это результат семиотического осмысления социокультурной действительности посредством создания устойчивых семиотических взаимосвязей в коммуникациях. Такое понимание дает возможность раскрыть механизмы взаимозависимости паттернов интерпретант, образующих в различных сочленениях коммуникативные события, которые выступают в качестве сталкивающихся или сходных смыслов, находящихся в коммуникативном пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением.

Исследование проводится в рамках выполнения проекта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2001. — 704 с.
2. Лукьянова Н.А. Коммуникативные миры Ч.С. Пирса // Научно-технические ведомости Санкт-петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — 1 (143). — С. 235–243.
3. Марков Б.В. Знаки бытия. — СПб.: Наука, 2011. — 460 с. URL: http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/%&Ovr1/philosbook_8dec2005_3695.rar (дата обращения: 10.08.2011).
4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 502 с.
5. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ. А.Н. Уайтхед / сост. И.Т. Касавин / общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. — М.: Прогресс, 1990. — 717 с.
6. Тюпа В.И. Пролегомены к теории эстетического дискурса // Дискурс. — 1996. — № 2. — С. 12–15. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_3.htm (дата обращения: 25.07.2011).

Поступила 30.07.2012 г.